

Темушев, С. Н. Легендарные князья от Леха до Мешко в источниках и польской историографии / С. Н. Темушев // Лістападаўскія сустрэчы – 5. Праблемы старажытнасці і сярэднявечча: Зборнік артыкулаў па матэрыялах Міжнароднай навуковай канферэнцыі ў гонар акадэмікаў М. М. Нікольскага і У. М. Перцава (13–14 лістапада 2003 г., Мінск) / Навук. рэд. В. А. Фядосік і І. А. Еўтухоў. – Мн.: БДУ, 2005. – С. 182–185.

С. Н. Темушев

ЛЕГЕНДАРНЫЕ КНЯЗЬЯ ОТ ЛЕХА ДО МЕШКО В ИСТОЧНИКАХ И ПОЛЬСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

У истоков польской государственности стоит целый ряд легендарных князей, чье существование, видимо, не распространяется далее записей в средневековых польских хрониках. Реальное существование ряда польских князей не подтверждается никакими другими источниками, кроме хроник Галла Анонима, Винцентия Кадлубка, Великопольской и Яна Длугоша, при этом наблюдается свободное перемещение информации из одной хроники в другую. Но идеологические соображения требуют от авторов конструирования новых генеалогических связей, пользуясь откровенным вымыслом и, следуя терминологии польских историков, воплощением несуществующих образов.

Согласно традиции, идущей от польской хроники Галла Анонима, первым гнезненским князем являлся Попел (Popiel или Papiel), которого лишает престола сын Пяста (Piast) и Репки (Rzepicha), внук Котышко (Chosciszka) Земовит. Относительно последнего в историографии существует однозначное убеждение в его реальности, поскольку о нем есть сообщение в иностранных источниках.

Легенда, переданная Галлом Анонимом, была известна Винцентию Кадлубку, но поскольку сам хронист происходил из земли древних вислян, то он попытался локализовать древнейшую историю

отечества в Кракове. Используя довольно примитивный прием, весьма характерный для средневековых хронистов, выведения личных имен из местных названий, а также преследуя цель обогащения, разнообразия повествовательной линии, Винцент добавил в польскую историю следующие личности: Крака I и II, Лешка II, III и IV, Помпилиуша I и II. Очень важно отметить, что в хронике Винцентия в одном из эпизодов поляки названы лехитами. Этот этноним подхватил краковский хронист Дзежва (или Межва), писавший столетием позже, и уже составитель Великопольской хроники произвел на этом основании эпонимическое имя Лех (Lech), который становится праотцом поляков. Таким образом, в Великопольской хронике мы обнаруживаем стройный список польских князей: Крак I, Крак II, Ванда, Лешек I, II и III (сидят в Кракове), Помпилиуш I и II (в Крушвице), Пяст, Земовит, Лешек IV и Мешко I (в Гнезно). И если в деле «поселения» Помпилиушей в Крушвице (Kruszwica) составитель рассматриваемой хроники следовал за силезской хроникой, то придание Помпилиушу II прозвища Хотышко (Chisciczko) и указание на Пяста как на очередного выборного короля поляков-лехитов были исключительной «заслугой» великопольского хрониста.

Полный список древнейших князей легендарной эпохи приводит в своем фундаментальном труде Ян Длугош. В польской историографии труд Яна Длугоша

пользовался таким непререкаемым авторитетом, что приводимые им данные возводились едва ли не в исторический факт. В дальнейшем польская историография пройдет сложный путь от слепого доверия, через различные стадии критики, до почти полного отрицания и перечеркивания их ценности для исторической науки.

С конца XVII в. силезскими учеными польская княжеская династия была названа пястовской, тем самым существование Пяста превратилось в «реальность». Долгое время (за исключением периода Просвещения) историки с вниманием относились ко всем упоминаемым в хрониках князьям, при этом особое значение придавалось прародителю поляков Леху.

Ключевым в польской историографии стало исследование Освальда Бальцера «Генеалогия Пястов», признавшего первым историческим князем Польши Мешка I, дав ему в отцы Земомысла (согласно с Галлом Анонимом), отказав в реальном существовании всем предшествующим правителям.

После первого этапа дискуссии над исследованием Бальцера, в которой наиболее весомых достижений добились Стослав Лагуна,

Кароль Потканьский, Станислав Кентжинский и Станислав Закревский, а также Александр Брюкнер, среди историков произошла значительная дифференциация взглядов. Польский историк Г. Лабуда выделяет три группы историков по степени их отношения к древней польской традиции: легко верящие, мало верящие и не верящие. К удивлению своих коллег определенное доверие к легендам, записанным Галлом Анонимом и Винцентием Кадлубком, выразил в своем очерке «Политической истории Польши» Станислав Закревский. По мнению Закревского «мог Винцентий из одного Леха, или Лешка создать три персонажа, но не мог придумать имена и ряд живых исторических реминисценций...». Другие историки отнеслись с большим недоверием к подобному мнению. Прежде всего это касается Романа Гродецкого. Он пишет в рецензии на работу Закревского: «... сомневаюсь, чтобы это все могло всерьез принято в науке. И действительно, совсем загадочным является для меня утверждение, что польская легенда проливает достаточно ясный свет на происхождение Пястов». Поразительно, но в написанном Р. Гродецким очерке «Истории средневековой Польши» исследователь значительно смягчает свою позицию. «Локально окрашенная легенда о Лехе, как основателе Гнезно, — пишет он, — может содержать след известия о каком-нибудь племенном владетеле полян. Может быть, что все подробности, разделенные в легенде между тремя Лешками, необходимо отнести к этой одной личности». Исследователь предлагает использовать рассматриваемые легенды «как умеренно вероятные исторические указания».

Наиболее радикальную позицию в отрицании историчности легенды о первых князьях занял К. Тименецкий. Он отмечает, что эти легенды имеют определенную ценность для этнолога, но вследствие «вымысла учености средневековых историографов», абсолютно непригодны для исторического анализа. Доводы исследователя о неисторичности первых князей довольно убедительны: 1) хронисты не смогли привести ни одного конкретного факта из их деятельности; 2) современные источники молчат о предшественниках Мешко I; 3) нет указаний на то, что среди польских племен в это время возникло какое-то «великое государство».

Станислав Арнольд с большим вниманием советует отнестись к циклу великопольских легенд (приведенных у Галла Анонима). При этом он отмечает: «С исторической точки зрения важно то, что эта придворная традиция водворяет династию Пястов на трон путем какого-то государственного переворота, или битвы, поскольку

их предшественник (не существенно, назывался ли он Попелом) был изгнан — как утверждает Галл — из королевства. Неважно, кто был отцом Земовита, остается определенным то, что согласно традиции именно Земовит был первым князем новой династии». При этом цикл легенд о Краке, Ванде и «коварных» Лешках он считает компиляцией различных повествовательных сюжетов, окрашенных собственной фантазией магистра Винцентия.

В дальнейшем, с развитием польской исторической науки значительно расширился исследовательский инструментарий и общий контекст возникновения княжеской власти. Значение имело углубление археологических исследований, давших поддержку для хронологии событий письменных источников.

На новом этапе с критикой точки зрения Казимира Тиmeneцкого и, соответственно, в защиту аутентичности великопольской традиции выступил Кароль Бучек. При этом и сам Тиmeneцкий смягчает свою позицию, он подчеркивает, что «три поколения это не слишком много, но очень мало для возникновения большого государства с обширными связями и влиянием».

В целом проблема историчности первых легендарных польских князей целиком увязана с доверием к источнику. То, что имена Пяста и других не упоминаются в других источниках, еще не означает, что их не было в действительности, так же как отсутствие конкретных указаний на их деятельность свойственно и описанию правления Мешко I. Таким образом, дальнейшая критика известий о первых князьях лежит полностью в области критики источников. В своей работе Казимеж Шлаский приходит к следующему заключению: «Общая оценка польских национальных легенд, как исторического источника, чаще всего негативная. На современном этапе знаний попытки их исторической интерпретации вынуждены ограничиться неопределенными гипотезами. Не следует из этого, однако, что эти легенды заслуживают единственно сдачи в архив...». Относительно же ряда персонажей (Крак, Ванда, Лешки) из малопольского цикла легенд, в современной польской историографии утвердилось мнение о них, как о литературных образах, имевших роль носителей определенных политических и идеологических позиций.

Таким образом, в современной польской историографии возобладала точка зрения о полной несостоятельности данных средневековых польских хроник относительно малопольского (краковского) цикла легенд, в то время как признается относительная ценность великопольских легенд, переданных Галлом Анонимом.